

Прошло три года с тех пор, как Андерс Аскеланд в последний раз проводил пресс-конференцию. Тогда мир был одновременно потрясен дебютом его «Псевдожабры», позволявшей людям дышать под водой неограниченное количество времени, и «Умного оружия» — оружия, обученного определять любого человека, представляющего угрозу для владельцев этого изобретения. Результат работы "Жабры" был прост, но требовал почти магической техники: максимальное поглощение кислорода из воды и химическое вещество для получения большего количества кислорода. «Оружие» было проще объяснить с научной точки зрения, но самая большая проблема заключалась в том, чтобы те, кто мог его приобрести, поняли его преимущества. «Оружие» можно было использовать не только против других групп или стран, но и против того, кто им владел. Оно было снабжено набором моральных правил, позволяющих отличать добрые поступки от злых. По логике Андерса, оружие, столь хорошо информированное и беспристрастное, должно было держать всех в узде. Самое главное, что часто оставалось без обсуждения, — это то, что каждый, кто мог купить «Оружие», был обязан его купить. Это был самый совершенный инструмент разрушения из когда-либо созданных, и оставаться в стороне от этой избранной и платежеспособной было бы слишком опасно. Оба эти изобретения изменили мир, и хотя Андерс утверждал, что они были во благо, большая часть человечества все же не поддерживала это.

Тем не менее, для прессы стало неожиданностью, когда генеральный директор «Антлер» сообщил, что представлять гениальную инновацию будет именно он. Кто-то почувствовал волнение, кто-то — страх. Все глаза и уши желали услышать, о чем он будет говорить. Ни у кого из журналистов не было времени на подготовку, ведь Андерс дал им всего один день, чтобы собраться в Эко-Сити. Обычно конференция проходила в штаб-квартире «Антлер», на специально отведенном для таких мероприятий этаже, но сегодня все было иначе. У здания мэрии, выбранного для встречи, собралась толпа.

Я вошел туда на десять минут раньше. Пыл горожан снаружи почти не уступал пыли тех, кто находился внутри, — даже тех, чья работа заключалась в чем-то спокойном и объективном. Я занял место во втором ряду, сразу за мировыми лидерами и миллиардерами, которых было предсказуемо много. Шум стоял оглушительный, и я видел, как некоторые даже надели наушники. Меня этот хаос не сильно беспокоил. Я был слишком занят своими мыслями, чтобы слушать.

К своему удивлению, я увидел, как Уилл бежит по сцене. Он подошел к микрофону и выровнял его на нужную для оратора высоту. Опустив руки, он заметил меня. Я помахал ему рукой, и он улыбнулся. Я не знал, что он так близок к боссу. Уилл убежал со сцены, и толпа продолжила развивать свои теории.

Любопытная вещь — общественное мнение об Андерсе Аскеланде. Как определить, как именно общественность относится к человеку, который делает их машины, дома, жизни? У него были поклонники, как и у любого, кто появлялся на телеэкране. Были у него и критики, но их критика была странной. Они не могли негативно отозваться ни о качестве его изобретений, ни о его тяжелом характере, но они все равно отзывались. Когда у критика заканчиваются вещественные доказательства и истории для освещения, он становится философом. Те, кто недолго любил Андерса, делали это из-за инстинктивного страха. Объяснить это они могли только тем, что само его присутствие — это беда, которая только и ждет момента, чтобы нагреться. Однако такие заявления больше были похожи на попытки выдать желаемое за действительное.

— Осталась одна минута, — раздался голос из колонок.

Возможно, из-за какофонии, которую устроили в ожидании зрители, громкость голоса была

намеренно высокой, чтобы прорваться сквозь шум. Все замолчали, хотя сцена по-прежнему была пуста. Все приготовили свои камеры, сделанные компанией «Антлер». Некоторые приготовили руки, чтобы набирать текст так быстро, как это только возможно. Я ждал.

Затем вошел он. Его костюм в полоску был белоснежным. Странное сочетание, которое удивительно подходило его манере поведения. Андерс сиял. Настолько, насколько он мог. Брови не нахмурены, осанка расслаблена. Я был единственным в помещении, кто знал, что он собирается сказать. И все же, учитывая мое нынешнее состояние, он поступил разумно, решив не выставлять меня на всеобщее обозрение.

Он закончил свой долгий путь к микрофону и не произнес ни слова. Все уже замолчали, однако таким образом он хотел напомнить, что именно он контролирует это событие. Он изучал зал, оставаясь абсолютно равнодушным к такому большому количеству зрителей. Наконец, он решил прервать пятнадцать секунд молчания.

— Все вы собрались здесь, чтобы узнать, что я создал, — заявил Андерс и окинул взглядом первый ряд.

Мне даже показалось, что его глаза на долю секунды переместились на меня. Он продолжил:

— Я не буду долго держать вас в неведении. Я не любитель затянутых преамбул. Прежде всего, позвольте поблагодарить вас за то, что вы пришли сюда, независимо от того, из Эко-Сити вы или не столь удачливы. Причина внезапного проведения этой конференции — мой личный выбор. Некоторые говорили мне, что следует повременить, но я решил, что все должно быть прозрачно.

Мои мысли переключились на Амале. Она не сидела в первом ряду и не стояла рядом с Андерсом. Она была главным операционным директором компании, поэтому я был уверен, что она находится в зале. Я понял, что в речи наступила пауза, и, переведя взгляд на сцену, я увидел, что Андерс Аскеланд смотрит прямо на меня. Страх мгновенно охватил меня, но босс сразу же вернулся к своему монологу, сказав:

— То, что я вам покажу, — не только самое впечатляющее изобретение из всех созданных, но еще и то, что устремляет разум на новую высоту. Я задам вопрос, но не считайте нужным что-либо говорить. Подумайте: какую самую важную проблему нужно решить?

В зале воцарилась тишина. Постепенно становилось слышным бормотание тех, кто пытался придумать неоспоримую истину. Для многих такой вопрос должен был иметь ответ. Кому-то это показалось забавным. Все это время он стоял на сцене, не шевелясь. Я представил, что для него такое зрелище аналогично тому, как если бы он бросил корм для рыб в аквариум.

— Выслушайте мой ответ. Вы могли бы сказать, что самое важное — это помощь тем, кто страдает. Честно говоря, нам следует перестать отличать счастье от страданий, и, если говорить шире, мы должны ответить, как выглядит идеальная жизнь. После того как мы определимся с этим, мы сможем работать над тем, чтобы воплотить это в реальность. Проблема философов заключается в том, что они так застревают в своих проблемах, что не могут ни на что ответить, а остальное человечество ждет и страдает, — убежденно объяснил Андерс.

Некоторые люди кивнули. Вопреки здравому смыслу я обвел глазами зал в поисках Амале. Не останавливаясь, он говорил:

— Я избавлю нас от лишних хлопот и скажу то, что очевидно. Ущерб. Настоящая проблема,

которая вызывает всю боль и страдания, — это ущерб. Можно повредить инфраструктуру страны, компьютерное оборудование или эго человека. Невозможно иметь страдания без ущерба. Я хочу рассказать вам о первом продукте, который восстанавливает повреждения — Пирма Тек.

После этого за моей спиной наконец-то заговорили. Эта новость была более умопомрачительной, чем возможность дышать под водой. Казалось, он был доволен тем, что народ обсуждает. Я услышал, как один мужчина рядом со мной сказал, что это невозможно. Другой спросил, что это вообще значит. Пока они говорили, на сцену вышла женщина в желтом платье. Мои глаза не обманули меня. Это была Амале Имада. Я удивился, как мог не заметить ее раньше. В руках она держала телефон.

— Тихо, — приказал Андерс и аудитория подчинилась. — Это наш главный операционный директор, как вы все знаете. Вы можете заметить, что телефон, который она держит в руках, не является продуктом компании «Антлер». Это старый, неисправный телефон. Я выбрал его потому, что сломать одну из наших современных моделей довольно сложно.

Амале протянула ему телефон, который он показал зрителям, как показывают игрушку детям. Затем Андерс погнул его и он разломался на несколько мелких частей. Когда все попытались подойти поближе к демонстрации, они увидели, как телефон уже собрался воедино и выглядел как новый. Это был уже третий тип тишины, который я услышал в тот день.

Сначала зрителям было любопытно, затем это был вызов для их мышления и, наконец, наступило благоговение. Вопреки тому, во что многие могут поверить, когда происходит чудо, свидетели молчали. Возможно, такое несоответствие между ожиданиями и реальностью заставляет мозг временно отключиться, а может быть, причина более скучная. Так или иначе, Андерсу пришлось продолжить:

— Вы можете спросить, что это значит или как это было создано. Все это будет подробно описано в ближайшем будущем. А пока довольствуйтесь тем, что я вам дал.

После того как он остановился, множество рук поднялось вверх. В отличие от своего последнего выступления три года назад, Андерс указал на одного из зрителей. Тот встал. Человек находился через несколько рядов от меня, но было видно, что он нервничает.

— Есть ли у этой новой технологии более широкое применение, чем ремонт телефонов?

Андерс закрыл глаза, как бы представляя себе различные пути, по которым он мог бы пойти, и ответил:

— Я предполагал, что такое изобретение наверняка вызовет подобные вопросы. Однако я уже ответил на ваш вопрос. Телефон — не единственная вещь, которая может быть повреждена или сломана. Какими бы грандиозными ни были ваши представления об этой технологии, они реальны. Они произойдут. Вот и все.

Он бросил последний взгляд, ни на ком конкретно не задерживаясь, и ушел со сцены. Амале последовал его примеру, и на этом все закончилось. Репортеры и горожане занялись написанием статей и обсуждением своих мыслей. Я был единственным, кто уже обработал эту информацию. У меня были другие заботы.

Я поднялся со своего места и пробрался сквозь толпу. Я направился в туда, куда Амале пошла за Андерсом. Я предъявил охране свой пропуск, и меня пропустили. Они вдвоем уже выходили из здания, Андерс сидел в свой личный автомобиль. Он сразу же увидел меня, что-то сказал

Амале и закрыл дверь. Перед тем как он уехал, я увидел, что он улыбается.

— Амале! — воскликнул я.

Прошло больше месяца с нашей первой и короткой встречи с ней. Она обернулась и посмотрела на меня. Меня охватила дрожь. Я переспросил:

— Амале?

Она не улыбнулась и не нахмурилась. Она была более спокойна, чем, как мне казалось, может быть человек.

— Натаниэль, я рада тебя видеть, — ответила она и, увидев мое раздраженное выражение лица, добавила: — Полагаю, нам стоит поговорить.

<http://tl.rulate.ru/book/109565/4223119>